

«О РОССИИ ПЕТЬ.. ЧТО БЕССМЕРТНЫМ БЫТЬ!»

Игорь Северянин

Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарев, 1886–1941) многие годы имел репутацию певца пошлости и сомнительных литературных вкусов, что, естественно, выводило его творчество за пределы научного изучения. С другой стороны, мало кто из поэтов 1910-х годов мог сравниться с ним известностью и головокругительной славой. В предисловии к сборнику «Критика о творчестве Игоря Северянина» (1916) его издатель В. Пашуканис справедливо говорил: «Редко приходится видеть, чтобы на долю поэта выпадало такое, совершенно необычное внимание, какого удостоился Игорь Северянин от самых разнообразных кругов читающей публики. <...> Рассматривая отношение критики к Игорю Северянину, мы находим здесь всю гамму критических отношений от самого восторженного и до резко отрицательного, граничащего с простейшей руганью».

Но затем, с приходом революции, Игоря Северянина забыли, как забыли множество других русских писателей, оказавшихся эмигрантами. Триумфальный поэзовечер «Избрание короля поэтов» 28 февраля 1918 г. в Политехническом музее оказался в прямом смысле рубежным для Северянина, чье возвращение в «хвойную обитель», в эстляндскую Тойлу, в конце марта 1918 года совпало с брест-литовским переделом границ и обернулось для Северянина более чем двадцатилетней эмиграцией.

В последние годы, возвращая творческое наследие поэта в контекст русской литературы XX века, публикации стали сталкиваться с недостатком фактических сведений и общей неразработанностью его биографии, с отсутствием научно подготовленных текстов и достоверных комментариев. Несмотря на появление более 20 отдельных изданий Игоря Северянина, в том числе пятитомного собрания сочинений (СПб., 1995–1996), остается двойственность в восприятии поэзии Северянина. Порой трудно представить, что певец «ананасов в шампанском» и «кареток кур-

тизанонок» мог столь же вдохновенно-остро писать о родной природе. Но внутренняя целостность поэтического пути Игоря Северянина особенно ярко проявилась именно в обращении к теме России, пронизывающей все его творчество.

От Игоря Лотарева до Игоря-Северянина

Обратимся к началу творческого пути Игоря Северянина — Игоря Лотарева. Оно мифологизировано самим поэтом так, что до сих пор представлялось затруднительным определить состав изданных им в 1904–1912 годах 35 брошюр, время их выхода в свет, появления псевдонимов. Наконец, оставалось неясным место ранних произведений в последующей эволюции поэта и его довольно своеобразной эдиционной практике.

Игорь Северянин (И.В.Лотарев) родился 4 / 16 мая 1887 году в Петербурге. Его детство прошло недалеко от Череповца, в имении брата его отца Сойвола. Неразрывную связь с Русским Севером поэт подчеркнул своим литературным псевдонимом, который изменял дважды. В 1908 году собственная фамилия Лотарев, под которой опубликованы 13 брошюр 1904–1907 годов (последняя называется «Лепестки роз жизни»), заменяется псевдонимом «Игорь-Северянин» с дефисом, где приложение «Северянин» является вторым именем и указывает на особое значение Русского Севера в его жизни и творчестве (ср. Мамин-Сибиряк). Под этим псевдонимом напечатан листок «Памяти А.М.Жемчужникова». Последняя брошюра, подписанная псевдонимом Игорь-Северянин с дефисом, 35-я «Эпилог “Эго-футуризм” (1912). Начиная с «Громокипящего кубка» (1913) он использовал, за редким исключением, имя «Игорь Северянин», где псевдоним — второе имя — превратился в фамилию.

Северянин гордился своей родословной. Его отец Василий Петрович Лотарев (1860–1904) происходил из «владимирских мешан», был военным инженером и дослужился до чина штабс-капитана 1-го Железнодорожного полка. «Великолепнейший лингвист, / И образован и воспитан, / Он был умен, он был начитан», — так писал о нем Северянин в своей «поэме детства» «Роса оранжевого часа» (1925)¹. Мать — Наталия Степановна, урожденная Шеншина (185?–1921), дочь предводителя дворянства Щигровского уезда Курской губернии, происходила из старинного русского дворянского рода, к которому принадлежали Н.М.Карамзин и Афанасий Фет. Особую гордость Северянина вызывало родство с «доблестным дедом» Карамзиным: «Что в жилах северного барда / Струится кровь Карамзина» («Поэза о Карамзине», 1912; I, 141). Своим «высокомерно взнесенным к потолку лицом мучного цвета со слегка одутловатыми щеками и носом» поэт напоминал екатерининского вельможу².

Называя себя русским поэтом, мечтающим по-русски, Северянин скажет: «Родиться Русским — слишком мало: / Им надо *быть*, им надо *стать!*»³ Россия, родная земля всегда были для поэта высшей наградой, которую он должен заслужить.

Оказавшись вдали от «неподражаемой России», Игорь Северянин напишет в стихотворении «Запевка» (1925):

О России петь — что стремиться в храм,
По лесным горам, полевым коврам...

О России петь — что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь — что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

Любовь к родине, ее северным форелевым рекам, песенная певучесть и легкость стиха определяют цельность поэтического пути Северянина.

«Подвиг доблестных россов!»

Немногие знают, что свой литературный путь Игорь Северянин начал в 1904 году стихами, воспевающими подвиги русского флота. Дебют поэта состоялся в дни Русско-японской войны, всколыхнувшей патриотические чувства юноши, недавно увидевшего просторы Сибири и Дальнего Востока. В 1903 году Северянин вместе с отцом совершил путешествие на Дальний Восток, в Квантун, где отец стал коммерческим агентом в одном из пароходств. В декабре того же года, за месяц до Русско-японской войны, которая началась 27 января (9 февр.) 1904 года, они вернулись в Петербург. Трагедия русского флота так глубоко поразила юношу, что, по его словам, лишь музыка вернула его к жизни. Юный поэт с 15 сентября 1904 по 4 января 1905 года пишет восемь стихотворений, посвященных доблестным русским морякам и командующим прославленных русских броненосцев и крейсеров. Каждое стихотворение поэт издает отдельной брошюрой тиражом 200–300 экземпляров на свои средства.

Северянин называл своим первым выступлением в печати публикацию 1 февраля 1905 года в солдатском журнале «Досуг и дело» стихотворения «Гибель “Рюрика”» и именно от нее отсчитывал юбилей своего литературного пути: «Одна “добрая знакомая” моей “доброй знакомой”, бывшая “доброй знакомой” редактора солдатского журнала “Досуг и дело”, передала ему (генералу) Зыкову) мое стихотворение “Гибель “Рюрика”, которое и было помещено 1 февраля 1905 г. во втором номере (февральском) это-

го журнала под моей фамилией Игорь Лотарев. Однако гонорара мне не дали и даже не прислали книжки с моим стихотворением» (5, 84). На самом деле стихотворение вышло в 1904 году отдельной брошюрой из 6 страниц. Еще до этого так же было издано его стихотворение «К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры» (дозволено цензурой к печати 25 сент. 1904 г.).

Первое опубликованное в виде брошюры стихотворение написано 15 сентября 1904 года, вскоре после того как на смену погибшего командующего 1-й Тихоокеанской эскадрой контр-адмирала В.К.Витгефта, которому не удалось вывести русские корабли из узкой гавани Порт-Артура, блокированного японскими войсками, был назначен адмирал Р.Н.Вирен, получивший звание контр-адмирала. В стихотворении «К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры» юный поэт упоминает военачальников японского флота, адмирала Х.Того и вице-адмирала Х.Камимуру, и выражает надежду на успешный выход русского крейсера «Баян» и броненосцев «Ретвиан», «Пересвет» и «Полтава» из осажденной военно-морской крепости:

Каков бы ни был результат сраженья,
Погибнет наш отряд иль победит,
Он в каждом сердце встретит восхищенье
И мир отвагою своею удивит.

Да, верю я, что выполнит задачу
Наш славный адмирал Роберт Вирен,
А если нет, умрет, отвергнув сдачу,
Спокоен, как всегда, и вдохновен.

На самом деле экипажам кораблей пришлось сойти на берег и принять бой, в ходе которого Вирен был ранен. После принятия 16 декабря 1904 года решения о сдаче Порт-Артура Вирен отдал приказ взорвать оставшиеся корабли.

В произведениях Северянина, посвященных Русско-японской войне, отразились не только известные по газетным сообщениям события, но и собственные воспоминания. Так построено стихотворение «Гибель “Рюрика”» (27 сент. 1904), посвященное русскому крейсеру, погибшему в августе 1904 года в бою с четырьмя японскими крейсерами. В эпиграфе автор рассказывал о том, что видел на крейсере-герое во время поездки в Маньчжурию: «Не далее ж того, как год тому назад / Он пышный бал давал, красавец величавый...», и мечтал, чтоб славным подвигом россов гордился весь мир.

В это же время поэт Игорь Лотарёв был впервые отмечен на страницах «Петербургской газеты» писательницей Н.А.Лухмановой, которая рассказала, что передала раненым «на театре воен-

ных действий с Японией» 200 экземпляров брошюры Игоря Лотарева «Подвиг «Новика». «...Минутами, — рассказывала Лухманова, — получается здесь душевное обновление, и снова переживаешь детские, маленькие, такие сладкие, полные радости. Пришла картонка, обшитая холстом, полная тоненьких книжечек, 200 экземпляров стихотворения “Подвиг Новика”. Этот подарок, предназначенный автором еще для ёлки, запоздал, но... будет роздан в окопах солдатам, которые охотно читают такие маленькие книжечки, которые можно сейчас же спрятать в карман. Спасибо автору»⁴.

«Подвиг “Новика”» (5 окт. 1904) издан поэтом третьей отдельной брошюрой. На обложку вынесено обращение к крейсеру «Изумруд» отомстить за гибель «Новика», легкого крейсера, прорвавшегося в июле 1904 года и после тяжелых боев с японским флотом затопленного близ острова Сахалин.

Он потоплен... Но флаг
Не имеет наш враг.
Мы Андреевский флаг сохранили.
Спи ж спокойно, борец,
Наш отважный, боец,
Мы из славы венки тебе свили.

Каждое из стихотворений, посвященных подвигам русских моряков, является поэтическим и документально точным рассказом, в котором упоминаются реальные имена, события, названия русских и японских кораблей: «Взрыв “Енисей”» о минном транспорте, взорвавшемся на mine заграждения 29 января 1904 года, «Потопление “Севастополя”» о броненосце 1-й Тихоокеанской эскадры и «Захват “Решительного”» о вероломном захвате японцами безоруженного минного крейсера.

«Конец “Петропавловска”» — о броненосце, флагмане 1-й Тихоокеанской эскадры, подорвавшемся на японской mine, посвящен вице-адмиралу С.О.Макарову, командовавшему в то время порт-артурской эскадрой и погибшему на броненосце «Петропавловск», но завершается словами о бессмертии всех погибших моряков:

Спокойно спите, русские сыны!
Господь вас наградит блаженством Рая!
О, дети дорогой моей страны,
Вас помнит наша родина святая!..

Последняя, восьмая, брошюра «Бой при Чемульпо» посвящена годовщине гибели «Варяга» и «Корейца». После внезапного нападения японской эскадры, положившего начало Русско-японской войне, крейсер «Варяг» и мореходная канонерская лодка «Кореец» вынуждены были 27 января (4 февраля) 1904 года всту-

пить в бой в заливе Желтого моря у берегов Кореи вблизи порта Чемульпо с 14-ю боевыми кораблями. Потопив 1 миноносец и повредив 3 крейсера противника, моряки по распоряжению командира корабля В.Ф.Руднева затопили крейсер и взорвали канонерку, чтобы не сдавать их врагу. Юный поэт пишет «Бой при Чемульпо» 4 января 1905 года, накануне памятного дня, и воспевает отважные суда и детей России, не посрамивших русский флаг.

Я с гордостью, с любовью и с поклоном
Приветствовать душой и сердцем рад
И восхвалять в порыве восхищенном
Защитников, вернувшихся назад.

Надеюсь, что еще найдутся люди,
Которые поддержат русский флаг,
Как сделали, врагу подставив груди,
Бессмертные «Кореец» и «Варяг»

Как отметил в рецензии на издание Игоря Северянина тартуский профессор С.Г.Исаков, еще одна ранняя рукопись поэта осталась вне составленного нами свода — стихотворение «Сражение при Цусиме» из цикла «Морская война», датированное 29 июня 1905 г., но не напечатанное. Таким образом, этот текст должен был следовать за брошюрой «Конец “Петропавловска”», дозволенной цензурой к печати 20 июня 1905 г. Цензурный экземпляр сохранился в архиве Северянина в Эстонском литературном музее в Тарту с пометой «кат<егорически> запрещ<ается>» и датой 6 июля 1905 г. Приводим текст этого юношеского стихотворения, вычеркнутые строфы даны курсивом, в угловых скобках «строфа, выпущенная с согласия автора».

Сражение при Цусиме

Был снова грозный бой на Тихом океане.
Эскадры две дрались с отвагой огневой.
И каждая из них решила заранее
Без страха встретить смерть. О, то был грозный бой!

Пробывшая в пути опасном и далеком
Эскадра русская была утомлена
И не успела отдохнуть еще она,
Как встретилась с таинственным Востоком.

О, колосс северный — страна богатырей!
Отчизна доблестных российских сыновей.
Непобежденная никем и никогда!
В войне с Японией тебя гнетет беда...

Мне больно, но, как русский в горе сознаюсь:
Погиб в Артуре флот, и крепость наша пала.

Разбита армия...Тяжел несчастья груз!..
Под тяжестью его страна затрепетала.

А тут опять беда: Цусимский страшный бой,
Дни звонкого погрома <зачеркнуто — и позора>
Япония с победным блеском взора
И с гордо поднятой в экстазе головой.

И так при Цусиме погиб русский флот,
Расщеплен японскою силой,
А с ним столько жизней, надежд и забот...
Дно моря им стало могилой.

* * *

О, где вы, «Ослябя» и «Бородино»?
«Сисой», «Князь Суворов», — о, где вы?
Разбиты врагами сошли вы на дно,
Вас в плен взяла смерть-королева.

* * *

А вы, «Наварин», «Мономах» и «Донской»?
«Нахимов», «Камчатка», «Светлана»?
Вы тоже уснули под чуждой волной,
И сердце сжимается страстной тоской,
И ноют сердечные раны.

* * *

*А что ж «Николай»? что ж «Апраксин»? «Орел»?
А спутник их верный «Сенявин»?
Их... сдал Небогатов, а Того...увел...
Кто в подлости гнусному равен?!*

* * *

*Традиции предков он дерзко попрал,
Андреевский флаг опозорил,
Без боя суда неприятелю сдал,
Победу японцев ускорил.*

* * *

<К тебе обращаюсь я, русский народ:
Проклятье изменнику, сдавшему флот!..
Изменники — хуже пиратов!..
Позор же тебе, Небогатов!>

* * *

Не так поступил «Адмирал Ушаков»:
Герой до конца защищался.
Я храброго витязя славить готов:
Он верен присяге остался.

* * *

С начальником раненым в Владивосток
Средь прочих судов шел «Бедовый»,
С ним «Грозный». Жестокий, безжалостный рок
И здесь нас преследовал снова.

* * *

Два судна японских догнали отряд;
«Бедовый» сдался без защиты,
А «Грозный», судно потопивший, был рад
Увидеть дорогу открытой.

* * *

От сильной эскадры остались у нас
Лишь «Жемчуг», «Олег» и «Аврора»,
Два-три миноносца да яхта «Алмаз» —
Остатки кровавого спора.

* * *

Чему приписать этот страшный погром?
Чем все объяснить поражение?
Напрасно хочу разобраться я в том
Кровавом Цусимском сраженьи.

* * *

*Из уст вылетает болезненный вздох...
Зачем это горе? откуда?
Команда ль плохая? начальник ли плох?
Суда ли построены худо?..*

* * *

*Все глубже страна погружается в сплин,
Дышать ей мучительно больно...
Маньчжурия взята, Квантун, Сахалин...
Ужели еще не довольно?..*

*Довольно позора! довольно обид!
Довольно для нас униженья!
И пусть эту бойню-войну завершит
В Корейском проливе сраженье.*

Гатчино. 29-го июня 1905 г. Игорь Лотарев

Этот текст существенно дополняет цикл юношеских произведений Северянина «Морская война». Патриотические стихи, посвященные Русско-японской войне, не были случайны — они отозвались и в его творчестве времен Первой мировой войны, и позже, в годы эмиграции, когда поэт, умудренный жизнью и литературным трудом, пишет цикл стихотворений о России.

В 1912 году восемь брошюр, посвященных Русско-японской войне, поэт объединил в раздел «Морская война» (при жизни поэта не издан). Прежде чем подготовить свою самую известную книгу «Громокипящий кубок», Игорь Северянин издаст еще 27 брошюр. Девятая брошюра «По владениям Кучума» состоит из трех стихотворений, посвященных живописному, поразившему поэта царству бывшего сибирского хана Кучума, воевавшего с Ермаком: «На Урале», «Около Иртыша» и «Озеро Байкал». «Какой кругом простор! Какая ширина!» — с гордостью пишет поэт в своих пока еще несовершенных юношеских стихах.

«На реке форелевой в северной губернии...»

В автобиографическом очерке «Образцовые основы» поэт признался, что главным стимулом его творчества явилась любовь к поэзии, музыке и русской природе. В автобиографии, подготовленной для «Словаря русских писателей» С.А. Венгерова, Северянин писал: «Там, на любимой Суде, Игорь проводил летние каникулы, лишь изредка отпускаемый в Петербург к матери, и там же он познал первую (идеальную) любовь к кузине Лиле, дочери брата отца, которая была на 5 лет его старше. Автор осознал себя поэтом благодаря этой любви»⁵.

Суда — река (приток Шексны, впадающей в Волгу) неподалеку от Череповца, где прошло детство поэта. На месте впадения в Суду речки Кемзы, недалеко от деревень Сойволовское и Владимировка находилось имение Лотарёвых. Ср.: «...О, Суда! голубая Суда! / Ты, внучка Волги! дочь Шексны!», — так напишет поэт в «Поэзе детства моего и отрочества», 1912 (1, 536)⁶.

Первые стихи, посвященные любви, русской весне и любимой реке Суде, Игорь Северянин написал в шестнадцать лет осенью 1903 года в Порту-Дальнем и включил в брошюру «Из «Песен

сердца». Они адресованы его кузине Лиле (Елизавете Михайловне Журовой, (урожд. Лотарёвой, по мужу Якульской), (1882–1944), дочери М.П.Лотарёва, в которую Игорь был влюблен. Накануне отъезда с отцом на Дальний Восток юный поэт присутствовал на свадьбе кузины, поэтому в стихах этого цикла звучит грусть и разочарование. Свою возлюбленную он видит «судской девой» — русалкой, которая влечет его так же властно, как воды незабываемой родной реки:

Эта царевна — из Суды русалка:
Бледное тело и в страсти глаза...

Всего на страницах 35 брошюр (издание автора) было написано и опубликовано 275 произведений. Большая часть этих стихов вошла затем в книги «Громокипящий кубок», «Златолира» и «Ананасы в шампанском», которые в 1915–1918 годах составили три тома «Собрания поэм».

Самое раннее из вошедших в «Громокипящий кубок» стихотворений Игоря Северянина «Элегия», впервые опубликованное в брошюре «Мимоза» (СПб., 1906), также посвящено первой любви поэта, «той, которой полон май». Образ «Царицы грёз / Елисаветы» сливается с тишью родного села, милого дома и реки Суды:

В своих мечтах я вижу Суду
И дом лиловый, как сирень.
Осенний день
Я вижу всюду.

Когда так просто и правдиво
Раскрыл я сердце, как окно...
Как то давно!
Как то красиво!

В автобиографической поэме «Роса оранжевого часа» (1925) поэт назовет свою кузину «лильчатая Лиля» и «Лилит» (по преданию, первая жена Адама) и тоже соотнесет ее образ с родным краем и рекой Судой.

Игорь Северянин любил Россию, северные «одебренные» леса и форелевые реки. Там, на берегах русских рек живут воспеваемые им женщины — русалки и «лесофеи». От светских гостиных и салонов его путь лежит к «юным лугам» и лесам, где можно любоваться нежными маргаритками, маленьким паучком или даже красочным мухомором. О чем бы ни пел в своих поэзах Северянин: о любви, о красоте, о женщинах в муаровых шелестящих платьях, — он мечтал по-русски и пел о России.

В.Брюсов в статье «Игорь Северянин» писал: «Он — поэт живописец; он рисует целые картины, сохраняющие всю све-

жесть красок и даже как-будто весь аромат действительности. Читая “Громокипящий кубок”, видишь перед собою поля, и лес, и море, и гостиную, и диваны лимузинки”.

Одно из стихотворений книги — «На реке форелевой» — Иванов-Разумник назвал «прелестным», очарованию которого поддаешься с первых же строк. «“Благостны осенние отблески вечерние”, — это “настраивает”. Малиновки “зябко спят”; “лодка” “скачет камышами”; “форели шустрятся” — все это смело и верно, все это подлинное восприятие поэта»⁸

Северные форелевые реки соседствуют в книге «Громокипящий кубок» с обстановкой светских гостиных, с «мороженым из сирени», автомобилями и летучими яхтами, с прекрасными дамами в шуршащих муаровых платьях.

«Его поэзия, — заметил В.Ходасевич, — необычайно современна — и не только потому, что в ней часто говорится об аэропланах, кокетках и т.п., — а потому, что его душа — душа сегодняшнего дня. Может быть в ней отразились все пороки, изломы, уродства нашей городской жизни, нашей тридцатизэтажной культуры, “гнилой как рокфор”, но в ней отразилось и небо, еще синеющее над нами»⁹.

А.Д.Крючков, высоко ценивший творчество Северянина, в статье, озаглавленной «Дэмимонденка и лесофея», дал своеобразную трактовку пути Северянина, который идет от изображения современного города «на милый север, под зеленоглазое небо... от громких улиц к пихтам... от демимонденки к лесофее»¹⁰.

Критик альманаха «Очарованный странник» в рецензии на сб. «Златолира» обещал читателям: «Спасение придет — через рукоплескания толпы до Северянина долетит шум кленов, аромат родимых “Дылиц”, где он создавал свои утренние, очаровательные песни. Сад, зачарованный сад — его царство; его, принца Миррелии, ждет покинутый трон, в чаще, в сплетении ветвей и шорохе листьев»¹¹.

Одно из наиболее известных стихотворений Северянина «Весенний день», посвященное поэту К.М.Фофанову, автор особенно любил читать с эстрады. В нем выражен пленительный аромат долгожданной северной весны и искренний восторг человека, испытавшего счастье.

Весенний день горяч и золот, —
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова — я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен!

Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! какая воля!
Какие песни и цветы!

Скорей бы — в бричке по ухабам!
Скорей бы — в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам,
Как друга, целовать врага!

Шумите, вешние дубравы!
Расти трава! цветы, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

В свою очередь, Северянин отметил: «ни у одного из русских поэтов нет того, что вы найдете у Фофанова относительно северной весны: ее души, ее аромата, повторяю, почти недушистого, но такого пленительного своими возможностями, что эта недушистость душистее всякого яркого аромата, ибо в ней он только подразумевается, не передан, не запечатлен и, именно в силу этого обстоятельства своей неопределенности, насыщен истинным свойством благоухания точного неприкрашенного, преувеличенного ничем» (5, 32).

Другое стихотворение, «Идиллия», Валерий Брюсов отнес к стихам «в русском стиле», где поэт «сумел остаться самим собой, удачно переняв то склад нашей народной песни, то особенности народного говора»¹².

Стихотворение «Русская» впервые опубликовано в брошюре «Колье принцессы» с датировкой: «1910. Февраль». На экземпляре брошюры, хранящейся в Музее книги РГБ, имеется восторженный отзыв неизвестного читателя: «Великолепно!! Сколько настроения, сколько русской шири и размаха, ароматов леса, блеска солнца и смелости, смелости, смелости!!!» Оценку «Великолепно!!» получили еще два стихотворения этой брошюры: «Это было у моря...» (последняя строфа отмечена дополнительно: «Дивно!!»; такая же помета у последней строфы стих. «Врубелю») и «Рондолет» («Смерть над миром царит, а над смертью — любовь...»). Но «Русская» выделена среди них тем, что отчеркнута сбоку двумя чертами, а два других — одной.

Критики оценивали стихотворение противоречиво. «Едва ли удавалось кому-нибудь, — писал критик В.Шмидт, — с большой удачей и с большим изяществом передать грубовато-забористый, стремительный *praesto* плясовой». Вл. Кранихфельд назвал «Русскую» и «*Chanson gusse*» в числе лучших произведений Северянина и привел его полностью¹³.

К.И.Чуковский, напротив, счел стихотворение «пресловутым»¹⁴. В.Гиппиус решил, что это «интеллигентская “Камаринская”, сочиненная русским баринном, ищущим забвения от скуки в деревенских удовольствиях»¹⁵. Брюсов отнес стихи к числу тех, в которых Северянин «сумел остаться самим собой, удачно

переняв то склад нашей народной песни, то особенности народного говора»¹⁶.

Еще одно стихотворение на русскую тему «Chanson russe» впервые опубликовано в брошюре «Предгрозье» (СПб., 1910. Осень) — с датировкой: «1910. Июнь».

Стихотворение было восторженно принято аудиторией Политехнического музея 30 марта 1914 г., где выступал В.Ф.Ходасевич с докладом о футуризме, стихи Северянина читал автор и четыре московские актрисы (в т.ч. Л.Д.Рындина). В одном из отчетов о вечере говорилось: «У Игоря Северянина есть ряд оригинальных стихотворений чисто бытового характера, написанных в стиле чуть модернизированной народной речи. В.Н.Ильнарская нашла в прочитанной ею “Chanson russe” тот огненный, ярко бытовой тон, какой диктовался захватывающим, плясовым ритмом стиха»¹⁷.

«Романизированный язык, — говорил на вечере поэт 31 января 1915 г. С.Рубанович, — И.С. считает настолько родным, что, написав стихотворение на напев русской плясовой народным стилем, — он сейчас же указывает, что это только подражание, что это просто исполнение художественной прихоти поэта, — и указывает это очень тонко: стихотворение озаглавлено “Chanson russe”. Этим он отгораживается от всякой близости к народности, — о, нет, он не народник, он космополит и денди. <...> Его дендизм вызывающий, бравирующий, требующий внимания, эстрадный»¹⁸.

Иванов-Разумник отметил, что в «Chanson russe» Северянин показал себя учеником К.Бальмонта¹⁹. В.Гиппиус в связи с этим стихотворением вспомнил некрасовского «русского путешественника» по крепостным деревням: «Я путешествовал недурно. Русский край оригинальности имеет отпечаток...»²⁰ Удачно переданную «бойкую скороговорку наивно-тривиальной гармонике» услышал в «Chanson russe» критик В.Шмидт²¹. Стихотворение выделено Брюсовым в числе написанных «в русском стиле».

Возможно, стихи навеяны циклом «Русские мотивы» М.Лохвицкой (1890–1894), любимой поэтессы Игоря Северянина.

Трепетная любовь к родному Северу, к северным лесам и рекам станет источником его вдохновения. Образ «форелевой» реки в северной губернии пройдет через все творчество поэта и станет символом его неразрывной связи с любимой родиной.

Сияет даль, и там, в ее сияньи,
Порожиста, быстра и голуба,
Родная Суда в ласковом влияньи
На зрелые прибрежные хлеба.
Ее притоки — Андога и Кумба,
Нелаза, Кемза, Шулома и Колпь, —

Открытья восьмилетнего Колумба,
Я вижу вас из-за несметных толп.

(«Сияет даль...», 1940)

«Народу русскому дивитесь»

Ощущение души, тоскующей в предгрозье Первой мировой войны, и лирическая ирония по отношению к витавшему в различных слоях общества желанию уйти от трагизма действительности в «бомонд» и «иностраны», остро и глубоко передавали чувства современной Северянину интеллигенции.

«В этот период, — вспоминала Е.Ю.Кузьмина-Караваева, — смешалось все. Апатия, уныние, упадочничество — и чаяние новых катастроф и сдвигов. <...> Это был Рим времен упадка. Мы не жили, мы созерцали все самое утонченное, что было в жизни, мы не боялись никаких слов, мы были в области духа циничны и нецеломудренны, в жизни вялы и бездейственны»²².

В августе 1913 года Северянин пишет Брюсову: «Какое отчаяние вокруг! Какая безнадежность! *Возможность* процесса Бейлиса, ежедневные катастрофы, Балканская гнусность, чума в Новочеркасске, кубофутуристы...»

Позже, за несколько дней до объявления войны, отдохнувший в Эстляндии в приморском поселке Тойла Северянин откликнулся стихами на убийство австро-венгерского эрцгерцога Фердинанда: «Германия, не забывайся! Ах, не тебя ли сделал Бисмарк? <...> Но это тяжкое величье солдату русскому на высморк!» Этакой рифме позавидовал бы и Маяковский, сочинявший осенью 1914 года патриотические плакаты («Немец рыжий и шершавый...») в издательстве «Сегодняшний лубок».

Северянина осуждали за это проявление чувств (Брюсов называл стихотворение «отвратительной похвальбой»). Неожиданно политика вошла в соприкосновение и, более того, в противоречие с главным лозунгом Северянина — «Живи живое!» Цикл военно-патриотических стихов составил половину раздела «Монументальные моменты» в сборнике «Victoria Regia» (1915) — тринадцать произведений, написанных в период с июня по октябрь 1914 года.

На волне всеобщего подъема в дни Февральской революции Северянин написал цикл стихов «Револьверы революции» (он будет опубликован только в сборнике «Миррелия», Берлин, 1922. В примечании автора говорилось, что рукописи пропали в Москве в феврале 1918 г. и были восстановлены по памяти через год в Тойле). Несправедливо забытый цикл открывается стихотворением «Гимн Российской республики» («Мы, русские рес-

публиканцы...»). Исполнены национальной гордости строки стихотворений «Моему народу», «Все — как один»:

Народу русскому дивитесь:
Орлить настал его черед!

К лету 1917 года настроение поэта переменялось — искусство в загоне: «Что делать в разбойное время поэтам... Мы так неуместны, мы так непопадны». Октябрьская революция отразилась в «Поэзе скорбного утешения» и «Поэзе последней надежды», в контрастах увиденного «злого произвола» и веры в «глаза крылатой русской молодежи»: «Я верю в вас, а значит — и в страну». Это была политическая лирика в полном смысле слова.

Поэза правительству:

...Правительство, грозящее цензурой
Мыслителю, должно позорно пасть.
Так, отчеканив яркий ямб цезурой,
Я хлётко отчеканиваю власть.
А общество, смотрящее спокойно
На притесненье гениев своих,
Вандального правительства достойно
И не мечтать ему о днях иных.

В тон этому осуждению и не менее решительные, отнюдь не устаревшие высказывания из «Поэзы моих наблюдений»:

Я наблюдал давным-давно
За странным тяготеньем к хамству,
Как те, кому судьбой дано
Уменье мыслить, льнут к бедламству.
Я наблюдал, как человек
Весь стервенеет без закона,
Как ловит слабых и калек
Пасть легендарного дракона.

«Ты потерял свою Россию...»

Игорь Северянин никогда мысленно не расставался с Россией. С первых лет эмиграции его лирика отразила безмерное одиночество, оторванность от всего, к чему он привык смолоду, негромкую, но проникновенную ностальгию.

В зарубежье Игорь Северянин действительно много работал, писал не только привычные поэмы, но преуспел в сложных стихотворных формах, изобретателем многих был сам, о чем подробно рассказал в «Теории версификации». Его автобиографические романы «Роса оранжевого часа», «Падучая стремнина», «Колокола собора чувств» нашли и заинтересованного читателя,

и «иронящую» критику. Встречавшийся с поэтом во время его поездок по Югославии В.В.Шульгин вспоминал: «В эту свою пору он как бы стыдился того, что написал в молодости; всех этих “ананасов в шампанском”, всего того талантливое и оригинальное кривлянья, которое сделало ему славу. Славу заслуженную, потому что юное ломанье Игоря Северянина было свежо и ароматно. Но прошли годы: он постарел, по мнению некоторых, вырос — по мнению других. Ему захотелось стать “серьезным” поэтом; захотелось “обронзить свой гранит” [выражение Вас.Шульгина]»²³.

Сам от себя — в былые дни позёра,
Любившего услад душевных хмель —
Я ухожу раз в месяц на озера,
Туда, туда — «за тридевять земель»...

Почти непроходимое болото.
Гнилая гать. И вдруг — гористый бор,
Где сосны — мачты будущего флота —
Одеты в несменяемый убор...

Не желая писать «примитивно», он сознательно экспериментировал со словом, стихом и рифмой. Северянин немало заботился об обновлении поэтического языка. Поэт черпал из городского фольклора и народного говора, «жесточкого романа» и альбомного стиха, из лубка и броской прямоты уличной вывески или плаката. Ему был также интересен язык газет, создавший в значительной мере ту смесь высокого с низким, которой он столь виртуозно пользовался.

И все же для Северянина возвращение в провинциальный эстонский поселок или в озерную глушь было подчас безрадостным. Здесь он оказывался не только вдали от России, но и от основных центров русской эмиграции — Берлина, Парижа, Праги... Возможно, тогда, пытаясь сохранить память об утраченной родине, о прежней жизни или, говоря словами Романа Гуля, «унести с собой Россию», молодой, едва тридцатипятилетний Северянин углубился в мемуары и автобиографические романы в стихах («Падучая стремнина», 1922; «Роса оранжевого часа», 1925; «Колокола собора чувств», 1925 и др.).

Его гастрольные поездки в Берлин, Париж, Прагу, Белград и другие города приносили небольшой доход и ощущение читательского внимания. «За эти годы, — рассказывал Северянин в письме В.И.Немировичу-Данченко, — мы побывали однажды в Польше, дважды в Латвии. Больше никуда не ездили. Постоянно живем в своей деревушке у моря. Живется трудненько, заработков никаких, если не считать четырех долларов в месяц из “Сегодня”. <...> Писатель я никакой, поэтому заработать что-либо трудно.

Как лирик, не могу много заработать: никому никакая лирика в наше время не нужна, и уж во всяком случае она не кормит».

Многим запомнился поэзовечер в зале «Шопен» в Париже 27 февраля 1931 года, где Северянин читал стихи из книги «Классические розы». Марина Цветаева, присутствовавшая на выступлении, писала С.Н.Андрониковой-Гальперн 3 марта 1931 года: «Единственная радость <...> за все это время — долгие месяцы — вечер Игоря Северянина. Он больше чем: остался поэтом, он — стал им. На эстраде стояло двадцатилетие <...> первый мой ПОЭТ, т.е. первое сознание ПОЭТА за 9 лет (как я из России)»²⁴.

Цветаева воспринимала новые стихи Северянина в широком контексте — двадцатилетия его творчества. В неотправленном письме Северянину она создала своеобразный гимн русским поэтам — невольным изгнанникам: «Это был итог. *Двадцатилетия*. (Какого!). Ни у кого, может быть, так не билось сердце, как у меня, ибо другие (все!) слушали *свою* молодость, *свои* двадцать лет (тогда!). Двадцать лет назад! — Кроме меня. Я ставила ставку на силу поэта. Кто перетянет — он или время? И перетянул он: — Вы.

Среди стольких призраков, сплошных привидений — Вы один были — жизнь: двадцать лет *спустя*. <...> Вы выросли, Вы стали *простым*, Вы стали поэтом больших линий и больших вещей, Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто — *природу*, Вы, наконец, раз-нарядили ее...

И вот, конец первого отделения, в котором лучшие строки:

И сосны, мачты будущего флота...

Ведь это и о нас с Вами, о поэтах, — эти строки»²⁵.

Несомненно, сборник «Классические розы» (Белград, 1931) стал наиболее значительной книгой эмигрантского периода. Его заглавие связано с давней литературной традицией, о которой писал В.В.Набоков: «Роза пылала на ланитах пушкинских красавиц. В куцах Фета она расцветала пышно, росисто и уже немного противно. О, какая она была надменная у Надсона! Она украшала дачные садики поэзии, пока не попала к Блоку, у которого чернела в золотом вине или сквозила мистической белизной».

С мятлевскими, классическими, розами связан другой важный мотив, воплощенный в этом хрестоматийном образе, — память об оставленной родине. Для Вл. Ходасевича так происходит восстановление духовной общности России и зарубежья. В стихотворении «Петербург» он пишет о том, что «привил-таки классическую розу / К советскому дичку» (12 дек. 1925; вошло в сборник «Европейская ночь». Париж, 1927).

Иначе раскрывается смысл образа в книге Георгия Иванова «Розы» (Париж, 1931), где поэт прощается с прошлым навсегда «сквозь розы и ночь, снега и весну...». «Классичность» определя-

ла принадлежность Северянина к каноническому литературному ряду и направление его творческой эволюции. Это сразу ощутили современники поэта, например, Георгий Адамович писал: «Северянин стал совсем другой, ... вырос, стал мудр и прост»²⁶.

Так мудро и просто пишет теперь Северянин о любви в стихотворении «Все они говорят об одном», посвященном С.В.Рахманинову:

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада
И что эта отрада — в любви...

По-новому прозвучала в «Классических розах» и тема бессмертия, которая волновала Северянина с молодых лет. В связи с этой темой особое внимание вызвало стихотворение «Мои похороны» (1910):

Меня положат в гроб фарфоровый,
На ткань, снежинок яблоневых,
И похоронят (...как Суворова...)
Меня, новейшего из новых.

В мировой литературной традиции тема стеклянного (хрустального) гроба связана с бессмертием и восходит к сказке бр. Гримм «Schneewittchen» (обычно переводится «Белоснежка»), в которой мертвую девушку кладут в стеклянный гроб. Королевский сын находит гроб и пробуждает девушку. Источником северянинского образа служит «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» А.С.Пушкина (1833), которая связана со сказкой братьев Гримм.

Журналисты бесконечно обсуждали претензии Северянина на суворовскую славу и бессмертие. Но в стихах Северянина скрыт глубокий смысл. Суворов похоронен в Александро-Невской лавре. На простой плите надпись: «Здесь лежит Суворов». Северянин надеялся, что тоже заслужит право называться просто поэтом России. На памятнике в Таллине, где он покоится на Александро-Невском кладбище, написано только два слова: «Игорь Северянин».

«И мы вернемся с тобой в Россию...»

В «Классических розах» тема бессмертия оказывается связанной с долгожданным возвращением на родину, туда, где «Моя безбожная Россия, / Священная моя страна!». Воссоединение с Россией означало для него обретение самосознания и духовного бессмертия:

Я мечтаю, что Небо от бед
Избавленье даст русскому краю.
Оттого, что я — русский поэт,
Оттого я по-русски мечтаю! («Я мечтаю...»)

Поэт мысленно возвращается в свою прославленную молодость, вспоминает свои весенние дни и потерянную им Россию.

Петр Пильский отмечал, что «поверхностному слуху с этих страниц, прежде всего, зазвучит мотив успокоенности. Это неверное восприятие. В книге поселена тревожность. Здесь — обитель печали. Слышится голос одиночества. В этих исповедях — вздох по умершему. Пред нами проходит поэтический самообман. Втайне и тут все еще не угомонившееся «Я» («Кто я? Я — Игорь Северянин, чье имя смело, как вино»)... Ни скорбь по России, ни мечтательные надежды на ее новое обретение, ни любовь к родной стране, ни жизненные потрясения, ни седина, ни годы не изменяют, не разрушают основного строя души, не умерщвляют коренных, врожденных, взрошенных пристрастий»²⁷.

Не случайно одно из поздних выступлений Северянина, 20 января 1938 года в обществе «Витязь» (Таллин), с лекцией о русской поэзии XX века носило заглавие «Путь к вечным розам».

«К смиренью примиряющей воды», к «соловьям монастырского сада», к мечте о «воспрявшей России», к «любви коронной» обращается Северянин. Он обрел то «легкое и от природы свободное дыхание», которое, как отмечал Николай Оцуп, редко встретишь у современных поэтов. Книга «Классические розы» издана попечением югославской Академии наук. Среди многообразия лирических пейзажей, портретов, признаний есть стихотворение «И будет вскоре...», о весеннем дне, — но как далеко оно от прежнего упоения радостью жизни! Между ними словно пролегла трагическая полоса русской истории в том глубоко личном, интимном преломлении, которое свойственно Игорю Северянину:

И будет вскоре весенний день,
И мы поедем домой, в Россию...
Ты шляпу шелковую надень:
Ты в ней особенно красива...

И будет праздник... большой, большой,
Каких и не было, пожалуй,
С тех пор, как создан весь шар земной,
Такой смешной и обветшалый...

И ты прошепчешь: «Мы не во сне?..»
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целую!

Но жестокие события, грянувшие вскоре, и тяжкий недуг помешали поэту воспользоваться этой вымечтанной возможностью. В декабре 41-го он скончался в Таллине.

«Русское сокровище»

Конец 30-х годов... Прошло 20 лет после триумфального избрания короля поэтов. Казалось, Северянин лишился всего: его мучают болезни и безденежье, распалась семья, нет своего жилья, книги остаются в рукописи, а изданные на средства автора сборники «Медальоны» и «Адриатика» не восполняют убытки... И тоска по родине...

В Литературном музее Эстонии (Тарту) среди уникальных архивных материалов хранится записная книжка Северянина. На одной из страниц едва прочитываются строки поэтического черновика:

Я мог родиться только в России
Во мне все русское считалось:
Религиозность, тоска, мятеж,
Жестокость, нежность, порок и жалость,
И безнадежность, и свет надежд.

Но вот в Эстонию из Индии пришло письмо от Н.К.Рериха, и поэт снова «повсесердно утвержден»:

«Дорогой Игорь Васильевич,

И радостно и грустно было мне получить письмо от 28-го февраля. Радость была в том, что Ваше творчество было мне близким и Ваше имя звучало во всех странах, в которых я был за эти годы. Радость была и в том, что Вы прислали и книгу стихов и манускрипт Ваш — все это и звучно и глубоко по мысли и прекрасно по форме. А грусть была в том, что Вы пишете и о Вашем вообще о современном положении писателей, — я бы сказал вообще о положении Культуры. Дело стоит именно так, как Вы и описываете. Книга стала не нужна. В домах подчас не находится книжной полки, а ведь было время, когда книга была другом дома. Сейчас происходит такой армагеддон, который захлестывает всю жизнь, во всех ее проявлениях...»

Продолжая разговор о культуре, «прогнившей, как рокфор», Рерих в следующем письме из Гималаев рассказывает Северянину: «В прошлом году Б.Григорьев писал мне с великим отчаянием, как бы предрекая конец всякой культуры. По своему обычаю я возразил ему, что не нам судить, будут ли сжигать наши произведения. Ведь мы вообще не знаем ни читателей, ни почитателей наших. Помню и другое отчаяние, а именно, покойного Леонида Андреева, который писал мне о том, что “говорят, что у меня есть читатели, но ведь я-то их не вижу”. Именно все мы не

видим их. Может быть, и Вам иногда кажется, что у Вас нет читателей. Но даже в нашей горной глуши нам постоянно приходится слышать прекрасные упоминания Вашего имени и цитаты Вашей поэзии. Еще совсем недавно одна неожиданная русская гостья декламировала Ваши стихи, ведь Вы напитали Вашими образами и созвучиями многие страны. Все мы находимся в таком же положении. Уж очень щедро было русское даяние. Потому-то так трудно усмотреть и урожай. Русская музыка, русский образ, русские слова запечатлены во всех странах света. Нет такого дальнего острова, где бы не отобразилась русскость. Даже и в трудах и в трудностях будем беречь русское сокровище. Оно так велико и прекрасно, что — за ним будущее... Пока что весь мир несмотря на зависть должен был поклониться и русской литературе, и театру, и живописи — всему русскому».

В ноябре 1930 г. в газете «Сегодня» сообщалось о том, что Русский культурный комитет в Югославии приобрел и выпускает книгу Северянина «Стихи о России» (вышла под заглавием «Классические розы»). В рецензии Петра Пильского (П. «Ни ананасов, ни шампанского» // Сегодня. 1931. 15 сент. С. 8) говорилось: «С этим именем связана целая эпоха. Игорь Северянин был символом, знаменем, идолом лет петербургского надлома <...>. Умер Петербург, переродился Игорь Северянин <...> Столичные наваждения оказались минутными. Сейчас Игорь Северянин — поселянин». Среди новых черт его поэтического мира названо неприятие города и современной цивилизации, «искусство променявшей на фокстрот», женщин «бездушных и практичных», всей «рассудочно-черствой» Европы. Утешение, по мнению Пильского, поэт находит в семье, в тишине далекой Тойлы, в ночных мечтах и книгах. Однако «ни скорбь по России, ни мечтательные надежды на ее новое воскрешение, ни любовь к родной стране, ни жизненные потрясения, ни седина, ни годы не изменяют, не разрушают основного строя души, не умерщвляют коренных, врожденных, возвращенных пристрастий» Северянина, которые более всего проявлялись в «склонности к словесной изобретательности».

Благодаря стихам о России, возвращенным в отечественную литературу, становится очевиднее истинное место поэта на русском Парнасе, где, как он мечтал, «Фету Пушкин говорит:

— О Северянине тоскую!..»

¹ Северянин И. Собр. соч.: В 5 т. / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. Кошелева и В.А.Сапогова. СПб.: Logos, 1996. Т. 3. С. 146. Далее

ссылки на произведения Северянина, кроме особо отмеченных, даются по этому изданию в тексте с указанием тома и страниц.

² *Бурлюк Д.* Листки футуристической хрестоматии: Игорь Васильевич Северянин (Лотарев) // *Голос Родины*. Владивосток, 1920. 26 сент.

³ *Северянин И.* Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы / Сост., подг. текста, статья, примеч. В.Н.Терехиной и Н.И.Шубниковой-Гусевой. М.: Наука, 2004. С. 231.

⁴ *Петербургская газета*. 1905. 8 апр.

⁵ Цит. по: *Кошелев В.А., Сапогов В.А.* «Музей моей весны...» // Северянин Игорь. Стихотворения. Поэмы. Архангельск, 1988. С. 7.

⁶ *Рогозина М.Г.* Дом на Суде // *Культура русского Севера*. Череповец, 1990. С. 74.

⁷ Критика о творчестве Игоря Северянина. СПб., 1916. С. 13.

⁸ Критика, 78

⁹ *Ходасевич В.* [Рец.] Игорь Северянин. Громокипящий кубок // *Утро России*. М., 1913. 16 марта.

¹⁰ Очарованный странник. 1913. № 1. С. 4.

¹¹ Очарованный странник. 1914. № 4. С. 15.

¹² Критика, 16.

¹³ Современный мир. СПб., 1913. № 4. С. 110–111.

¹⁴ *Чуковский К.И.* Эгофутуристы и кубофутуристы // *Шиповник*. Кн. 22. СПб., 1914.

¹⁵ Критика, 94.

¹⁶ Критика, 16.

¹⁷ *Львов Як.* «Поэзо-вечер» Игоря Северянина // *Рампа и жизнь*. 1914. № 4. С. 13.

¹⁸ Критика, 64–65.

¹⁹ Критика, 76.

²⁰ Критика, 95.

²¹ Критика, 81.

²² Цит. по кн.: Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 62–63.

²³ Игорь Северянин глазами современников / Сост., вступ. ст., примеч. В.Н.Терехиной и Н.И.Шубниковой-Гусевой. СПб.: Росток, 2009.

²⁴ *Цветаева М.* Об искусстве. М., 1991. С. 413.

²⁵ Там же. С. 412.

²⁶ Последние новости. 1931. 17 сент.

²⁷ *П<ильский П.>*. «Ни ананасов, ни шампанского» // *Сегодня*. 1931. 15 сент.